

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**РАНДЕВУ
С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ**

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Иллюстрации художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Рандеву с петлей на шее / Николай Леонов, Алексей Ма-
кеев. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Черная
кошка).

ISBN 978-5-699-91256-8

На собственной даче бельевой веревкой задушен преуспевающий риелтор Алексей Водопьянов. Вдова погибшего настаивает, чтобы дело расследовал полковник МУРа Лев Гуров. Вместе со своим другом и коллегой Станиславом Крячко Гуров начинает отрабатывать возможные версии преступления. Выясняется, что смерть эта была выгодна многим из окружения бизнесмена. Но циничность замысла убийцы поразила даже видавших виды сыщиков.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91256-8

© Макеев А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

**Рандеву
с петлей на шее**

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Тот день ничем не радовал. Несмотря на заканчивавшийся март, за окном было серо и сумрачно, температура резко пошла на понижение, и снег, казалось бы, сошедший на «нет», вдруг возобновился. Начальник Главного управления генерал-лейтенант Орлов с утра устроил длинную планерку, сообщив о грядущей проверке, в преддверии которой, на всякий случай, устроил разнос абсолютно всем своим подчиненным — начиная от «зеленых» сержантов и заканчивая операми-«важняками», к коим относились даже такие зубры уголовного сыска, как полковники Гуров и Крячко.

Когда генерал-лейтенант наконец немного успокоился и закончил планерку, он отправил всех «приводить дела в порядок», что оказалось весьма многогранным поручением. Сержантов и прочих тупо отправили убирать территорию — как вокруг главка, так и внутри. Тех, кто постарше возрастом и званием, Орлов засадил «подчищать» дела — приводить их в состояние готовности для передачи в суд. Гуров и Крячко гадали, какая же миссия выпадет на их долю. Каждый в душе надеялся, что уж для своих любимцев генерал-лейтенант припасет непосредственное раскрытие дела, то есть взятие злодея с поличным. При этом, как фокусник, вытащит этого самого злодея, как туза из рукава, и Гурову с Крячко останется только взять его «тепленьким», предъявив услужливо представленную тем же Орловым доказательную базу.

Увы, генерал-лейтенант не был настроен на столь щедрые подарки. Гурову с Крячко он велел рассортировать все дела

с начала года, и те из них, что можно закрыть, как можно скорее «довести до ума», даже если для этого придется немного «подкорректировать» показания свидетелей, а для этого «интенсивно с ними поработать»... Дела же, прочно застрявшие в «висяках», по возможности вытянуть и перевести в разряд «находящихся в процессе раскрытия». Таким образом Петр Николаевич существенно увеличивал статистические показатели раскрываемости по главку.

Гуров с Крячко сделали, что могли, благо дел с начала года было немного. Пока «низы» драили туалеты, сбивали уцелевшие сосульки с крыш и протирали пыльные шкафы, «верхи», вооружившись авторучками и напрягая мозговые извилины, старательно переписывали документы, составляя по каждому из них подробный отчет.

Особенно страдал от подобного занятия Станислав Крячко — человек, категорически не водивший дружбу ни с пером, ни с бумагой. Стилистика тоже не являлась коньком Крячко. Единственное, что имелось у него для такой работы, — это извилины, но и они были направлены у Крячко совсем в другую сторону. Поэтому за день он извелся сам, извел гору бумаги, а также своего друга Льва Гурова, к которому постоянно апеллировал то с жалобами на начальство, то с просьбой помочь составить «хотя бы одну, последнюю несчастную бумажонку».

Гуров, которому в течение всего дня приходилось составлять собственные бесконечные отчеты, чертыхался и отказывался, но Крячко так наседал, что проще было помочь и отвязаться, что полковник и делал. В итоге он, по сути, проводил двойную работу, и за себя, и за Крячко, так что, когда Станислав в шесть часов вечера заявил, что его рабочий день окончен, махнул рукой и был только рад, что его напарник убыл.

Сам же Гуров задержался в кабинете до полуночи. Генерал-лейтенант Орлов пару раз заглянул, поинтересовался, почему это Лев сидит в одиночестве, и даже хотел позвонить Крячко и в приказном порядке потребовать его возвращения, но полковник сквозь зубы отказывался, а когда Орлов попытался зайти в кабинет в третий раз, выразительно и четко попросил

генерал-лейтенанта отправиться... в общем, оставить его в покое. Орлов проявил благоразумие и больше Гурова не трогал.

Около полуночи полковник откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Справа от него высилась стопка перелопаченных документов, которые в результате его кропотливой работы не только соответствовали критериям Орлова, но и превосходили их.

Он потер виски. Тупо ныла голова, шею ломило от непрерывного сидения в одном положении, и ему хотелось лишь поскорее покинуть стены Главного управления МВД и оказаться дома, перед телевизором, который он вообще-то почти не смотрел, с чашкой крепкого чая и ужином, приготовленным женой Марией. У нее как раз должен был быть свободный вечер, так как сегодняшней спектакль выпускали вторым составом и вместо нее играла дублерша. Мария служила в театре и была одной из ведущих актрис. Из-за этого обстоятельства она редко бывала дома по вечерам, а еще реже им с мужем удавалось совместить выходные. И вот как раз сегодня можно было это сделать, но тут Орлов со своей грозящей проверкой вмешался и испортил Гурову семейный вечер.

Решив спасти хотя бы его остаток, полковник решительно снял с вешалки пальто, запер кабинет и вышел на улицу. К ночи поднялся ветер и выпал мокрый снег. Гуров, втянув непокрытую голову в плечи, почти бегом добежал до своей машины, сел за руль и сразу включил печку.

«Вот тебе и весна! — подумал он. — Хотя, впрочем, еще рано делать прогнозы».

Полковник март не любил. Он любил весну позднюю, уже отшумевшую ручьями, отгалдевшую гомоном птиц, ошалевших от солнечного света, отлившую холодными дождями. Любил спокойный теплый май, благоухание первых цветов и прохладные светлые ночи.

Но сейчас до этого благодатного времени было еще далеко, месяца полтора, и погода за окном мало походила на всплывшую в сознании Гурова живописную картинку. А ведь еще неделю назад казалось, что весна обосновалась в столице всерьез и надолго: солнце не только растопило слежавшийся снег, но и высушило образовавшиеся лужи, температура

поднялась до плюс десяти, и многие москвичи поспешили сменить надоевшие тяжелые зимние куртки, пуховики и шубы на легкие пальто и даже плащи. Но зима напоследок взяла свое: в один миг температура упала ниже нуля, задул противный ветер, вихрем пронеслась метель, осыпая город комьями нового снега, неумолимо превращающегося в сугробы...

Морозы стояли несколько дней, потом снова все начало таять, но настоящее тепло так и не наступило. Столбик термометра болтался около нулевой отметки, и то, что подморозило за ночь, к утру снова расквашивалось.

Самым обидным было то, что Гуров, поддавшись всеобщей эйфории, еще в середине марта сменил зимнюю резину на летнюю и сейчас явственно ощущал, как поспешил. Он вспоминал собственные насмешки над Станиславом Крячко, которого, как обычно, «жаба душила», и он протянул с замечной как раз на зимнюю резину, сделав это только под конец января, а до этого предпочитая пользоваться машиной как можно реже, и сейчас остро завидовал Стасу. Да, на сей раз Крячко оказался предусмотрительнее... Но что сделано, то сделано, и Гурову оставалось лишь нажать педаль газа и направить автомобиль по мокрому асфальту в сторону Садового кольца.

Он ехал и старался утешать себя чем-нибудь приятным — например, мыслью о горячем ужине, а также о том, что в его задержке на службе есть определенный плюс: улицы к ночи уже поредели, и ехать было довольно свободно. Это куда лучше, чем в семь часов вечера стоять намертво зажатым в жуткой пробке, двигаясь в «час по чайной ложке». Гуров иногда даже специально задерживался на работе, чтобы пересидеть этот период. Станислав Крячко в таких случаях поступал просто: либо ездил на метро, либо вообще ходил пешком, считая, что восемь кварталов — это всего ничего и что, протопав их на «своих двоих», он окажется дома куда раньше, чем если бы добирался на автомобиле. В рассуждениях Крячко был определенный смысл, но Гуров никак не мог переступить через себя и ехать на метро. Отнюдь не потому, что он был таким уж снобом, просто сама мысль остаться в течение рабочего дня без машины приводила его в панику.

Крячко же подобные вопросы никогда не смущали, на случай острой необходимости у него были припасены разные варианты, как то: воспользоваться служебной машиной, а если повезет, то и с водителем, тормознуть первого попавшегося частника и, сунув ему в лицо удостоверение, потребовать довезти до нужного места, на крайний случай — вызвать такси, с дальнейшим требованием к генерал-лейтенанту Орлову возместить ему личные материальные затраты. Впрочем, Крячко вполне мог, ничуть не смущаясь, не заплатить и таксисту, вместо денег сердечно пожав ему руку и поблагодарив за тесное сотрудничество с правоохранительными органами...

Гуров ехал довольно быстро, останавливаясь лишь на светофорах, — хотелось поскорее попасть домой, и дорога вполне это позволяла. За его спиной замаячил темный джип, двигавшийся как-то нервно. Он постоянно повышал скорость, норовя подрезать автомобиль Гурова, но в последний момент тормозил и оставлял свои попытки. Это ерзанье немного раздражало полковника, и он бы с удовольствием пропустил джип вперед, но к этому моменту выехал на довольно узкую улицу с двусторонним движением, и двоим им было не разойтись.

Остановившись на одном из перекрестков, он ждал переключения сигнала на зеленый, однако, едва светофор мигнул желтым, как стоявший сзади джип вдруг резко дернулся вперед. Гуров едва успел крутануть руль влево, и рванувшая вперед машина чиркнула по бамперу. Он выругался и остановился. Джип тоже затормозил, взвизгнув шинами, из открывшейся двери показалось озабоченное лицо водителя:

— Вы нормально?

Гуров не ответил. Выйдя из машины, он осматривал нанесенные ей повреждения. По счастью, они оказались не слишком существенными: о лихачестве водителя джипа напоминала лишь темная полоса на светлом бампере.

— Простите, ради бога! — торопливо подошел к нему высокий крупный мужчина в развевающемся на ветру распахнутом плаще, без головного убора. Густые волосы тоже трепал ветер, но мужчина не обращал на это никакого внимания, поглощенный произошедшим эпизодом. — Ей-богу, не нарочно! Просто тороплюсь. Давайте решим все мирно,

без полиции. Я вам все компенсирую, не волнуйтесь! — И он полез в карман плаща.

Гуров почувствовал исходящий от него запах алкоголя и, нахмурившись, резко спросил:

— Вы что, пили за рулем?

— Совсем чуть-чуть, — слегка улыбнулся краем рта мужчина. — Один бокал вина, за компанию. С приятелем встречался, и... — Он виновато развел руками. — Сколько я вам должен?

Гуров в задумчивости кусал губу. Мужчина достал из кармана бумажник, вытащил из него две пятитысячные купюры и вопросительно посмотрел на полковника. «Хватит?» — вопрошал его взгляд.

Однако Гуров размышлял совсем не над этим. Он думал, сообщать ли знакомым дэпээсникам об этом инциденте или все-таки отпустить мужика восвояси.

— И часто вы за руль садитесь после приема алкоголя? — спросил он.

— Нет, ну, что вы! Говорю же, случайно получилось! Больше запаха, чем алкоголя.

— Мне не понравилось, как вы вели машину, — покачал головой полковник. — Нервничали, суетились...

— Да это я просто под впечатлением от разговора. У приятеля проблемы образовались, вот и...

Гуров внимательно посмотрел мужчине в лицо. Глаза его были трезвыми, зрачки абсолютно нормальными, речь твердая, поведение адекватное...

— Вам куда ехать?

— Да я почти приехал! Вон за тем углом мой дом, — показал рукой мужчина.

— Ладно, езжайте, — выдохнул Лев — ему самому совсем не с руки было возиться с этим мужчиной, дожидаться приезда ДПС и объясняться с ними. — Только не пейте больше за рулем. В следующий раз я не буду столь лоялен.

— Договорились! — Мужчина подмигнул ему и снова спросил: — Так сколько я вам должен?

Гуров махнул рукой, вернулся к своей машине и, обогнув джип, поехал дальше.

— Спасибо! — донеслось ему вслед.

Лев даже не обернулся, так хотелось поскорее добраться домой. Припарковав машину, он быстро поднялся на лифте к себе и открыл дверь. В квартире было темно. Решив, что Мария уже спит, он осторожно разулся и прошел на кухню. По очереди открывая крышки кастрюль, убедился, что все они почти пусты. Затем открыл холодильник — ничего нового за сегодняшний день в нем не появилось, Лев почувствовал себя несколько разочарованным. Нет, приготовить ужин он и сам был в состоянии. Его, во-первых, расстроило отсутствие дома жены, что лишало остатков надежды на совместный вечер, а во-вторых, охватило легкое недоумение — где она может быть?

Гуров поставил на плиту сковородку, нарезал ветчину и аккуратно, по очереди, разбил сверху три яйца. Потянувшись левой рукой, достал телефон и стал набирать номер жены. Вдруг со стороны прихожей послышалось звяканье ключей.

— Ой, как вкусно пахнет! Гуров! Ты готовишь ужин? Ну, какой же ты молодец! Я такая голодная! — раздался голос Марии.

Он быстро убрал телефон, разбил в сковородку еще три яйца и шуточно спросил:

— Ты лучше скажи, где в то время, когда образцовый муж готовит ужин, бродит его блудная жена?

— Я в театре была, — войдя в кухню, сообщила Мария и присела на табурет.

— В театре? — удивился Гуров. — Сегодня же второй состав играет? Или дублерша заболела? Эпидемия гриппа вроде бы прошла уже, и даже почти без смертельных исходов...

— Нет, нет, никто не заболел и не умер, не переживай! — Мария подтянула к себе мисочку с сухариками, двумя пальцами стала их выуживать и по одному отправлять в рот. — Просто мне позвонила одна давняя знакомая, хотела прийти на спектакль... Я ответила, что сегодня не играю, тогда она предложила встретиться просто так.

— Зачем? — поднял брови Гуров.

— Просто так, — повторила Мария и развела руками: — Знаешь, мне показалось, что она просто ищет повод. У нее

неприятности, и ей хотелось с кем-то поделиться. Одним словом, я поехала в театр, мы посмотрели спектакль, потом поговорили, потом был небольшой банкет... В общем, вот так и получилось, что я свой свободный вечер провела в театре!

— Ясно, — вздохнул Лев. — И хотел бы сказать с упреком, что ждал тебя весь вечер дома, да привычка говорить правду не дает.

— Гуров! — Мария снисходительно посмотрела на него. — Ты думаешь, я не поняла, что ты весь вечер проторчал в своем главке? Если бы ты был дома, то уже давно бы позвонил. А так ты чувствовал себя виноватым и сам не хотел слушать мои упреки!

— Ух ты, мой Пинкертон! — засмеялся он. — Тебя бы к нам в главк, следователям помогать!

— Нет уж, увольте! — подняла руки Мария. — Мне и в театре неплохо.

— Ну ладно, давай хоть поужинаем вместе. — Гуров принялся раскладывать приготовленную яичницу по тарелкам. — А тебя что, на банкете не покормили?

— Гуров! — с изумлением посмотрела на мужа Мария. — Ты что, меня подозреваешь в чем-то?

— Машенька, если бы я подозревал, то не стал бы так открыто это демонстрировать, — усмехнулся Лев.

— Нет уж, давай я объясню! На банкете я больше слушала рассказы Маргариты о ее неприятностях. У нее муж завел любовницу. Представляешь?

— И только-то? Это все неприятности?

— А ты считаешь, этого мало? При чем ладно бы какая-то мимолетная связь, но он перешел все границы. Поселил эту девицу в съемной квартире, регулярно навещает... И, главное, они прожили вместе двадцать лет, у них трое взрослых детей. Точнее, двое ее, а третий общий. То есть третья дочка.

— Обычная история, — заметил Гуров, которому все это было не слишком интересно. — Нагуляется и вернется.

Мария иногда делилась с ним рассказами о всяких перипетиях личной жизни коллег — театр был насыщенным на такие события местом, — но обычно мимоходом. А тут вообще не

коллега, а какая-то знакомая, о которой Гуров раньше и не слышал.

— Вот и я ей то же самое сказала, — продолжала тем временем жена. — Нагуляется и вернется. Скорее всего он сам надоест этой девице, та найдет кого-нибудь помоложе, а Алексей, поджав хвост, вернется к законной супруге. Тем более что он все эти годы относился к ней более чем хорошо. Сразу было видно — любовь! — вздохнула она.

— На тебя весна, что ли, так действует? — с удивлением посмотрел на нее Гуров. — Ты обычно не склонна к романтическим воздыханиям. И откуда ты, кстати, знаешь подробности их отношений?

— Так я сама наблюдала! Мы же познакомились довольно давно. Кстати, интересная история, я тебе не рассказывала? Это было... — Мария закатила глаза. — О боже, лет двадцать уже прошло — выговорить страшно! Я тогда с вечернего спектакля возвращалась, ну, и пристал ко мне какой-то подвыпивший тип. Причем настроен был очень агрессивно! Я уже не знала, как от него отделаться, и, как назло, на улице никого! Тут вдруг останавливается машина, из нее выходит мужчина и решительно направляется ко мне. Берет за руку и ведет к своему автомобилю. Тот мужик начал возникать, так он ему разок двинул под дых, тот и умолк.

— И что? — хмыкнул Гуров. Он никогда не слышал от жены этой истории.

— Ничего. Довез меня до дома, пожелал удачи и посоветовал не ходить одной по темным улицам.

— Надо же, у тебя, оказывается, все эти годы был тайный поклонник! — с притворным восхищением воскликнул Лев.

— Гуров! Он был с женой! Как раз вот с Маргаритой. Так получилось, что мы стали общаться. С ней, я имею в виду, а не с ним.

— А почему ты меня с ними никогда не знакомила?

— Потому что люди слишком разные. Вы бы точно не нашли общего языка. Он бизнесмен, у него своя риелторская контора, кажется. Словом, тебе бы это было неинтересно. Да и Маргариту, если честно, я не могу назвать подругой. Скорее она ко мне тянулась, чем я к ней. Думаю, ей, во-первых,